

Американские аналитики сходятся во мнении, что при всех сильных сторонах документа его существенным недостатком является отсутствие четкого определения внутреннего терроризма, что, по их оценкам, существенно снижает эффективность борьбы с ним [2].

Кроме того, несмотря на то, что в текст включено множество цитат и штампов, используемых Д. Трампом, очевидно, что Стратегия, по сути, является компромиссом между взглядами американского лидера и экспертов, входящих в его команду [4]. В результате авторы ограничились в основном общими фразами, в документе отсутствует конкретика, не отражены практические мероприятия, вопросы выделения бюджета, сил и средств на осуществление контртеррористической деятельности.

Таким образом, по мнению автора, данная Стратегия отличается актуальностью, составлена грамотно и корректно и дает определенное представление об основных направлениях контртеррористической политики действующей администрации США. Однако указанные недостатки вкуче со стремлением Д. Трампа сконцентрировать в своих руках максимальные полномочия по выработке внешнеполитической линии Вашингтона вопреки сложившейся практике делают положения данного документа трудновыполнимыми.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. National Strategy for Counterterrorism of the United States of America [Electronic resource] // The White House, 04.10.2018. — Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/10/NSCT.pdf>. — Date of access: 07.10.2018.

2. Tankel, S. Has Trump Read His Own Counterterrorism Strategy? [Electronic resource] / S. Tankel // Foreign Policy, 12.10.2018. — Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2018/10/12/has-trump-read-his-own-counterterrorism-strategy/>. — Date of access: 13.10.2018.

3. Landler, M., Schmitt, E. Terrorist Threat 'More Fluid and Complex Than Ever,' White House Says [Electronic resource] / M. Landler, E. Schmitt // The New York Times, 04.10.2018. — Mode of access: <https://www.nytimes.com/2018/10/04/us/politics/trump-counterterrorism-strategy.html>. — Date of access: 08.10.2018.

4. Byman, D. L. Takeaways from the Trump Administration's New Counterterrorism Strategy [Electronic resource] / D.L. Byman // The Brookings Institution. — 05.10.2018. — Mode of access: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/10/05/takeaways-from-the-trump-administrations-new-counterterrorism-strategy/>. — Date of access: 08.10.2018.

«МЯГКАЯ СИЛА» В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*Вологина Н. В., Белорусско-Российский университет, e-mail: nvshel@mail.ru
пр. Мира, 43, 212000, г. Могилев, Беларусь*

Рассматриваются особенности использования «мягкой силы» в международных отношениях в современных условиях.

Ключевые слова: *международные отношения; «мягкая сила»; глобализация; имидж.*

Система современных международных отношений выступает как полицентричная, гибкая, подвижная, динамичная система взаимодействия разнообразных акторов мировой политики, детерминируемая ключевым фактором развития мировой цивилизации — процессом глобализации. В самом общем виде глобализация являет собой становление качественно нового этапа всемирного

развития, связанная с попыткой формирования единого мира или *One World*. Под воздействием глобализации произошла существенная трансформация Вестфальской международной системы, изменились приоритеты курсов суверенных государств на мировой арене, взгляды на выбор актуальных и действенных средств реализации внешнеполитической стратегии. Международное политическое пространство пронизано сегодня сетевыми структурами, которые приносят новые правила игры в сферу международного взаимодействия.

Изменилось содержание категории «мощь или сила государства». Если ранее ведущим и единственно значимым фактором мировой гегемонии признавался военно-силовой компонент, то в настоящее время все большее значение приобретают экономические, интеллектуальные, информационные, идеологические и культурные ресурсы.

В теории международных отношений на рубеже XX — XXI вв. большую популярность приобрела концепция «мягкой силы» (*softpower*), сформулированная Джозефом С. Наем, представителем современного американского неолиберализма. Под «жесткой силой» он понимает традиционную военную силу (вооруженная армия, принудительная дипломатия, экономические санкции и др.). «Мягкая сила» — это, в первую очередь, использование культурных, идеологических, просветительских механизмов, направленных на формирование позитивного имиджа той или иной страны и соответственно позитивного восприятия основного актора системы современных международных отношений — суверенного государства мировым сообществом.

«Мягкая сила», согласно Дж. С. Наю, выражается в возможности и способности государства взаимодействовать с другими государствами, путем привлечения их на свою сторону без применения военной силы или материальных денежных средств в качестве рычагов воздействия; это возможность влиять на противоположную сторону таким образом, чтобы она сама делала именно так, как нужно субъекту влияния.

Позитивный образ страны и его «мягкая сила» на международной арене формируются четырьмя источниками — культурой страны, ее политическими ценностями, институтами и соответствующим образом выстроенной внешней политикой, специально ориентированной на усиление «мягкой власти» государства.

Концепция «мягкой силы» стала выразителем новых трендов в международных отношениях, главным из которых является конкуренция ценностей и моделей общественного, государственного и социально-экономического развития. Благодаря популярности концепции, правительства стран стали активно реализовывать коммуникативные стратегии во внешней политике: добиваться доверия своих партнеров, формировать образ своей страны в СМИ и устанавливать тесные связи с зарубежными аудиториями.

Говоря о практическом воплощении концепции «мягкой силы» во внешней политике современных государств, специалисты-международники, в первую очередь, в качестве примера приводят китайскую, европейскую и американскую модель использования культурно-идеологических факторов по формированию позитивного образа страны.

В последней Концепции внешней политики Российской Федерации, подписанной Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г., говорится: «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач ин-

струментов «мягкой силы», прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам» [1]. Российская «мягкая сила» — это: расширение российского культурного присутствия за рубежом, укрепление позиций русского языка в мире, продвижение российских образовательных услуг, поддержка соотечественников и формирование объективного восприятия России с помощью «публичной дипломатии».

Необходимо заметить, что не только государства активно используют в своих внешнеполитических концепциях и действиях «мягкую силу». Важную роль в ее продвижении играют международные структуры и институты, выступающие реальной платформой на которой мировые державы распространяют свои идеи и политико-культурные нормы внутри международных институтов.

Внешняя политика Республики Беларусь строится на признании единых подходов к развитию отношений со всеми зарубежными партнерами. Основным механизмом выступает многосторонняя дипломатия. Несмотря на то, что в «Основных направлениях внутренней и внешней политики Республики Беларусь» механизм «мягкой силы» не прописан, однако в своей практической внешнеполитической деятельности она активно пропагандирует историю и культуру белорусского народа и государства, традиционные национальные ценности и тем самым формирует положительный имидж на международной арене.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248. — Дата доступа: 27.09.2018.

ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПРИБАЛТИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В 1990-е гг.

*Володькин А. А., Институт истории НАН Беларуси, e-mail: andrei_va@tut.by
ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Беларусь*

Выделены приоритеты внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии в 1990-е гг. в контексте национальных интересов Прибалтийских государств.

Ключевые слова: Литва; Латвия; Эстония; внешняя политика; Европа; США; Россия; Европа; Европейский союз; НАТО.

Еще в период борьбы за восстановление независимости Литвы, Латвии и Эстонии сформировались два базовых принципа, которые впоследствии определяли характер развития их внешней политики. Это были концепция «восстановленной государственности» и лозунг «возвращения в Европу». Первая из них строилась на преемственности в отношении довоенных Литвы, Латвии и Эстонии, исходя из признания их включения в состав СССР в 1940 г. незаконным, и, следовательно, предполагала восстановление как ряда внутренних норм, так и прежней системы международных связей этих государств. Исходя из этого принципа, Прибалтийские страны требовали возврата своей прежней собственности и активов за рубежом, восстановления прежних довоенных границ (кроме Литвы), а также компенсацию за ущерб, причиненный действиями СССР в период оккупации. Что касается лозунга «возвращения в Европу», при всей не-